

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ЛЕДЯНОЙ
ПАЛАЧ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 **Ледяной палач / Николай Леонов, Алексей Makeев. —**
Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-180276-9

На центральной площади областного города в одной из ледяных фигур обнаружен труп девушки. Полковники МВД Гуров и Крячко установили, что погибшая, московская студентка, пропала перед самым Новым годом. Выяснилось также, что фигура, в которой обнаружили жертву, в предварительно согласованный план ледяной композиции не входила. Что это — злая шутка маньяка, принявшего своеобразное участие в оформлении города? Внезапно оказывается, что в сказочном городке есть еще одна «лишняя» скульптура. То, что открылось внутри нее, окончательно сбilo с толку матерых сыщиков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180276-9

© Makeев А. В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Ледяной палач

ПОВЕСТЬ

Пролог

Ленка Ащеулова чувствовала себя не в своей тарелке. Компания, в которой она собиралась праздновать Новый год, была ей совершенно незнакома. Не то чтобы Ленка некомпанейская, совсем наоборот. Она всегда вписывалась в любую молодежную тусовку легко и сразу же становилась своей среди чужих. Вот и в этот раз ее приняли очень даже радушно и по-свойски. Но только чувствовала Ленка, что относятся к ней хотя и хорошо, но несколько снисходительно, по-матерински, что ли. И не потому, что все в этой новой для нее компании были старше ее как минимум лет на восемь, а скорее потому, что она со своими изумрудными, как у русалки, волосами и в шикарном длинном зеленом платье от Версаче, с двумя золотыми колечками пирсинга в правой ноздре выглядела нелепо среди одетых по-простому молодых женщин. Правда, их мужчины, друзья Захара, смотрели на нее с нескрываемым восторгом. Но и только. У Ленки было ощущение, что любят ее, как моделью с красивого фото в модном мужском журнале, не больше.

Ленке было странно, что и Элька, и Маруся, и Таисия, и Павловна (как представилась ей самая старшая из молодых женщин) не завидовали ни ее модному и дорогому платью, ни молодости, ни красоте. Они просто и весело вовлекли ее в кухонную суету и безо всякой со стороны Ленки просьбы рассказывали ей о себе и о своих мужьях — боевых друзьях Захара, о детях, которых оставили в этот день с бабушками, о своих женских радостях и горестях.

Лена улыбалась, шутила и изо всех сил старалась не показать свою досаду. А ведь она так мечтала этот день, а уж тем более ночь, провести только вдвоем с Захаром! Даже с отцом поссорилась, который не хотел отпускать ее из дому и настаивал, чтобы она прежде познакомила его со своим молодым человеком, а уже потом отпрашивалась у родителей. Но Ленка была непреклонна. Обычно она, папина дочка, всегда слушалась отца и старалась ему угодить, но только не в этот раз. Захар в последнее время стал для нее важнее отца. Ленка влюбилась, и влюбилась по-настоящему, безоглядно и потеряв голову. Никакие разумные доводы и родительские посулы не могли остановить ее и оставить справлять Новый год дома, в Москве.

Ленка сама предложила Захару встретить Новый год у него. Вдвоем. Устроить романтический ужин при свечах. Захар тогда и обрадовался, и смутился одновременно. Спросил, как на это посмотрят ее родители и, может быть, ему, Захару, стоит самому поговорить с ее отцом об этом, познакомиться, так сказать... Но Ленка упрямо отказалась, заявив, что она уже большая девочка и может сама решать, с кем ей праздновать Новый год, пообещав, что познакомит Захара с отцом позже, после праздника.

Ни Захар, ни Лена, занятые друг другом и своими чувствами, совсем не ожидали, что буквально за три часа до Нового года к ним в квартиру нагрянет целая компания из восьми человек. Все друзья Захара были женаты, а у трех пар даже появились дети, и только он никак не мог встретить девушку своей мечты и потому был холостяком. Его знакомили с разными девушками, но он оставался равнодушным ко всем.

И вот ему повстречалась Ленка. Она и сама до сих пор (прошло уже целых три месяца с их знакомства) не могла понять, что Захар в ней нашел такого, что заставило его влюбиться в нее чуть ли не с первого взгляда. Да и саму себя она с трудом понимала. Что привлекло ее в этом хотя и симпатичном, но старше ее на десять лет молодом мужчине? Захар совсем не походил ни на одного из ее знакомых парней. Впрочем, о своих одногодках Ленка не была высокого мне-

ния, считая их или заумными снобами, или, наоборот, ничемными и глупыми маменькиными сынками.

В тесной кухоньке Захаровой квартирки было не повернуться. Четыре «боевые подруги», как называли себя молодые женщины, были скоры не только на язык, но и на руку. Салаты и горячее они приготовили на раз и два из того, что принесли с собой. Делали все в основном сами, Ленка, которая не знала поначалу, как себя вести в их компании, была у них на подхвате. Да они и не подпускали ее слишком близко к процессу готовки — берегли ее платье.

— Леночка, где у Захара соль?

— Ленок, достань из холодильника колбаску.

— Ленчик, позови Захара, пусть он нам ножи наточит...

И Лена с улыбкой выполняла любую их просьбу. Иногда в кухню входил кто-нибудь из парней, и тогда Ленка вынуждена была выходить, теснота помещения не позволяла находиться там большому количеству народа. Стоя возле дверей кухоньки, Ленка смотрела, как в гостиной Захар и его друзья ставят стол и спорят за жизнь, пыталась поймать взгляд любимого, а когда он с чуть виноватой улыбкой смотрел на нее, она чувствовала, что бесконечно счастлива и любима.

— Девочки, у нас майонез закончился, — Павловна стояла у стола и недоуменно заглядывала в опустевшую банку.

— Давайте я сгоняю, — быстро предложила свои услуги Лена. — Маркет тут рядом, мне не тяжело. К тому же у меня и сигареты закончились.

Все девчата разом посмотрели на нее, и Павловна, которой было уже тридцать два года, скептически заметила:

— В своем узеньком платьице ты будешь шагать до магазина до самого его закрытия. Надо кого-нибудь из мальчиков послать. Они там все равно не знают, чем заняться.

Ленка выглянула из кухни и прокомментировала то, что увидела:

— Они там старый стол Захара чинят. На всю компанию одного столика, что на кухне, мало, вот они и колдуют над большим, но сломанным. Давайте я схожу, — нахмурилась она. — Мне проветриться нужно. Да и Ахмата заодно выведу.

— Точно! — воскликнула Элька. — Про Ахмата все забыли. Где он, кстати?

— Так вот он, на пороге, мордой к коридору лежит и на меня грустными глазами смотрит, — показала Ленка на дальневосточную овчарку, которая, положив крупную лобастую голову на лапы, терпеливо ждала, когда на нее обратят внимание.

— Он такой умница, — похвалила собаку Маруся. — Захар умеет с собаками обращаться. Вот какого помощника себе вырастил! Другой пес на месте Ахмата нам на кухне бы проходу не давал — такие запахи кого хочешь с ума сведут. А этот лежит и терпеливо ждет, когда его накормят и выведут.

Ленка уже пошла в прихожую и стала натягивать на себя новую норковую шубку с капюшоном, которую ей подарил накануне отец, когда к ней вышел Захар.

— Давай я с тобой пойду, — предложил он и потянулся взять пальто, но Ленка остановила его:

— Не надо. Останься. Я быстро схожу, туда и обратно. Не нужно гостей одних оставлять.

Захар подошел к ней и, обняв, притянул к себе. Он заглянул в Ленкины зеленые русалочьи глаза и спросил:

— Ты обижаешься? Но я и сам не знал, что так получится. Я их предупредил, что буду с девушкой. Это Валентин всех с панталыку сбил, они и пришли с тобой познакомиться. Дивно им, что я — и с девушкой.

— Ничего я не обижаюсь, — улыбнулась Ленка. — Они все мне понравились. Очень милые у тебя друзья. Не такие, как все, к кому я привыкла. Они лучше, чище, правдивей. Как ты.

— Лен, это на одну ночь, а потом у нас с тобой будет еще целых два дня, — словно оправдываясь, Захар прижал Ленку к себе еще крепче и поцеловал.

Ленка почувствовала, что начинает таять в его объятиях, и поспешила освободиться.

— За нами наблюдают, — она шутливо скосила глаза, взглядом показывая на смотрящую на них снизу вверх овчарку. — Нам с Ахматом нужно воздуху свежего глотнуть. Магазин через двадцать минут закрывается. Так что мы пошли, а вы тут стол доделывайте.

Ленка с собакой вышла на морозный воздух и поежилась. Шубка шубкой, а ноги у девушки — в одних лишь капроновых чулочках и совсем даже не в теплых сапожках. Приехала она во Владимир на машине, рассчитывала все эти дни просидеть в квартире у Захара, а поэтому теплых вещей с собой не брала. Глупо, конечно. А вдруг она и Захар соберутся погулять по городу? Джинсы-то у нее есть, а вот ноги долго на морозе в сапогах на рыбьем меху не выдержат.

Вздохнув, Ленка обратилась к Ахмату:

— Ну что, пойдём? Будешь меня от хулиганов охранять.

Овчарка поняла ее и, вильнув хвостом, пошла рядом. Поводок и намордник Захар на Ахмата никогда не надевал — знал, что пес обучен и без команды никогда ни на кого не бросится.

Магазин, где Ленка намеревалась купить майонез и сигареты, был буквально через дорогу от дома, где жил Захар. Народу на улице практически не было, лишь редкие прохожие иногда пробегали мимо Ленки, косились на собаку без намордника и спешили дальше. Ахмат на людей внимания не обращал и лишь иногда отбегал от Ленки по своим собачьим делам, но потом возвращался и виновато заглядывал ей в глаза. Она улыбалась ему, гладила по голове и приговаривала:

— И нечего виниться. Для того тебя и вывели. Так что если надо, то иди.

Возле самых дверей магазина Ленка скомандовала псу:

— Сиди и жди меня. Я быстро вернусь.

Ахмат послушно сел чуть в стороне от дверей и замер.

— Девушка, мы уже закрываемся! — поторопил Ленку охранник, и она бегом кинулась в тепло маркета, на ходу доставая из кармана кошелек, в котором лежала банковская карта.

Обратно Ленка шла не торопясь. Коленки у нее, правда, замерзли, но возвращаться в душную, полную народу квартиру она не спешила. Захотелось покурить, и Ленка достала тонкую ароматную дамскую сигаретку. Не то чтобы она курила по-настоящему, но иногда, когда настроение было подавленным, она могла выкурить за вечер две-три сигареты. Вот и сейчас она вдруг сильно захотела затянуться ароматным

дымом и почувствовать фруктово-ягодный привкус Kiss у себя во рту.

— Вот черт, зажигалку забыла, — чертыхнулась Ленка, шарив все карманы и не обнаружив в них, чем можно было бы раскурить сигаретку.

Она огляделась, надеясь, что кто-нибудь будет проходить мимо и даст ей прикурить. Но улица словно вымерла, только в небольшом отдалении от нее какой-то мужик суетился возле объемного багажника серебристого «Ленд Крузера». Немного подумав, Ленка направилась к мужчине, но, не доходя до него шагов десять, вспомнила об Ахмате и приказала овчарке:

— Сиди, жди меня тут. А то напугаешь еще человека.

Пес послушно уселся, но не спускал внимательных глаз с Ленки, пока она шла к незнакомцу.

— Мужчина, прикурить не найдется? — Ленка подошла и встала за спиной невысокого, но крепкого, судя по широкой спине, мужичка в дубленке и вязаной черной шапочке.

Тот, увлеченный своим делом, не заметил, как к нему подошла девушка, вздрогнул, когда услышал ее голос, и резко развернулся к ней лицом.

— Чего? — глуповато спросил мужичок. На вид ему казалось лет под сорок. Он шмыгнул своим курносым носом и уставился на Ленку маленькими, холодными, как у рыбы, глазками. — Че надо? — он угрюмо посмотрел на девушку.

Ленка, не подозревая ничего плохого в эту новогоднюю и, в общем-то, счастливую для нее ночь, улыбнулась и протянула зажатую в пальчиках сигаретку.

— Огоньку, говорю, не будет? Зажигалку дома забыла. А вы что там грузите? Шампанское? — Ленка сделала шаг вперед и заглянула через плечо мужчины в багажник.

Лучше бы она этого не делала. То, что она там увидела, привело ее не просто в замешательство, а в шок. Она забыла, что хотела попросить прикурить, и про сигарету тоже забыла. Глаза ее округлились, и она начала тихонько пятиться от машины и от мужика, который, сузив глаза, смотрел на нее не мигая, и во взгляде его ничего хорошего для Ленки не было.

— Ты откуда тут такая прыткая на нашу голову взялась? — раздался за спиной у Ленки голос.

Ленка, вздрогнув всем телом, повернулась и тут же была схвачена в крепкие тиски объятий второго мужчины, который незаметно подкрался к ней сзади. В отличие от первого — маленького и крепкого — этот был высокий и худой. Ленкино лицо оказалось как раз напротив его груди, обтянутой лохматым свитером.

— Она видела? — спросил он у маленького и кивнул в сторону багажника.

Тот молча и хмуро кивнул в ответ.

— Ну, и что мы будем делать? — поинтересовался худой.

Ленке совсем даже не понравился этот его вопрос. Она попыталась освободиться из крепких медвежьих объятий, которые прижимали ее руки к телу и не позволяли даже шевельнуться, так что Ленке оставалось только крутить головой. Она вспомнила про овчарку и громко крикнула:

— Ахмат, ко мне! Чужой! Фас!

Последнее слово она уже крикнула приглушенно. Ее затылок обхватили сзади крепкой, цепкой пятерней, и лицо ее с силой уткнулось в колючий свитер, пахнувший вонючими дешевыми папиросами и еще чем-то кислым и неприятным. Капюшон шубки мешал ей видеть, наползая на лицо, но она слышала, как по снегу к ней несется на помощь большой и смелый пес. Пес, который вместе с Захаром бывал в горячих точках и служил в полиции, который был научен задерживать подозреваемых. Ленка пыталась отбиться, пыталась освободиться от того, кто ее держал, — она брыкалась, норовя наступить острым каблучком на ногу мужика, пыталась укусить его, прокусив толстый свитер, пыталась облегчить задачу Ахмату. Но вдруг услышала глухой, негромкий «бух» у себя под ухом и собачий взвизг. Потом снова «бух» и ругань худого:

— Кретин, ты весь квартал сейчас всполошишь!

— Не дрейфь, Шест. Забыл разве? Новый год — все фейерверки пускают, петарды взрывают. Или думаешь, что обыватель такой умный пошел и отличит звук выстрела из пистолета от взрыва петарды? Я тебя умоляю!

— Ты, Кот, меня не умоляй, — резко оборвал крепкого коротышку худой, — а говори, что нам с этой марухой делать. Настучит ведь, как пить дать настучит. А теперь еще и собаку ее грохнули.

— Че делать, че делать, — передразнил коротышка. — Давай ее в машину, а там видно будет. Нечего тут ее обнимать. Вдруг кто увидит. Тогда точно влипнем.

Капюшон с головы Ленки сняли и, схватив ее за изумрудные волосы, оторвали лицо от свитера худого.

— Нишкни, цыпа. Только вякни в голос, и урою тут же! — зашипел на нее тот, которого называли Шестом. — Поняла базар?

Ленка, с широко открытыми от страха глазами, молча кивнула. Слезы бежали у нее по щекам темными от потекшей туши дорожками. «Как же так? — испуганным кроликом метались в ее голове мысли. — Они что, Ахмата застрелили? Зачем я только к ним подошла? Теперь и меня тоже, как Ахмата и как этого... который в багажнике у них. Захар!» — мысленно крикнула Ленка, и слезы при воспоминании о любимом побежали у нее уже не ручьем, а неистощимым потоком.

Глава 1

Рождество как христианский праздник Лев Иванович Гуров начал справлять только три года тому назад. Да и то по настоянию жены и Натальи Крячко. Не то чтобы Мария Гурова и жена Станислава вдруг стали истинными христианками и начали соблюдать все православные традиции, получилось все как-то вдруг, само собой. Года три назад к ним с Машей ни с того ни с сего седьмого января пришли в гости Станислав Крячко с женой. Они принесли с собой какие-то салатики, запеченного гуся, пирогов, и Наталья прямо с порога заявила удивленным нежданным появлением гостей хозяевам:

— А чего дома сидеть? Все люди радуются, празднуют, традицию русского православия возрождают, а мы что, не русские, что ли? Я так считаю, что в наше время нужно возвращаться к своим исконным корням и поддерживать все наше, русское. Так я говорю, Мария? Вот ты у нас человек творческий, интеллигентный, ты мне скажи, правильно я говорю?

— Правильно, — согласилась Маша и отправилась вместе с Натальей на кухню разогревать гуся и строгать нарезку из того, что найдется в холодильнике. А нашлось там после празднования Нового года немало.

— Вы Орлову позвоните, пока мы тут все готовим, пусть тоже приезжает и присоединяется к празднованию, — подсказала Мария Льву Ивановичу.

Орлов в гости приехал и традицию одобрил. Так и повелось с того времени — праздновали Рождество, как и положено православным. Женщины даже на следующий год после

почина на утреннюю рождественскую службу в церковь поехали. Мужья их ехать отказались, потому что где же это видано, чтобы полковники уголовного розыска ездили в церковь?

В этом году решили собраться снова у Гуровых. Мария, теперь уже заранее приготовившая и горячее, и пару салатов (остальное обещали привезти супруги Крячко), занялась сервировкой стола, а Лев Иванович в ожидании гостей задумчиво рассматривал содержимое бара.

— Маша, что вы с Натальей будете пить? Мы-то, мужики, как обычно — лучше коньячка все равно ничего нет. А вам, дамам, что достать?

— Лева, вот каждый раз одно и то же спрашивать не надоело? — Мария с улыбкой посмотрела на мужа. — Мы с Натальей, можно подумать, такие гурманки и любительницы выпить, что ты прямо в растерянности.

— Так ведь кто знает? А вдруг желание какое-нибудь новое появилось? — пробормотал Гуров, доставая из недр бара белое сухое вино, которое обычно пили женщины.

Станислав Крячко — неизменный напарник, коллега и друг Гурова — в этот раз приехал хмурый и чем-то расстроенный.

— Не обращайтесь на него внимания, — махнула рукой на мужа Наталья. — Он сегодня не с той ноги поднялся. Говорит, что ему сон приснился плохой и что сегодня праздновать нам не придется. На работу вызовут и весь кайф обломают. А кто тебя, говорю, вызовет, если Орлов будет вместе с нами за столом сидеть? Но он уперся. Предчувствия, говорит, меня никогда не обманывали.

— Да, с этими их предчувствиями прямо беда, — согласилась с подругой Мария. — И ведь что характерно, они практически всегда оказываются правы, — вздохнула она.

— Вот, а я что говорю, — нахмурился Станислав, внимательно рассматривая этикетку пузатой коньячной бутылочки.

— Станислав, а давай мы с тобой, пока никто нас еще никуда не вызвал, выпьем по пять грамм и всем предчувствиям козью морду покажем, — бодрым голосом предложил Лев Иванович.

— Что, и Петра ждать не будем? — покосился на друга Крячко.

— А чего его ждать? — коварно усмехнулся Гуров. — Он даже в выигрыше останется. Мы ему, как опоздавшему, штрафную рюмочку нальем.

— Тогда давай, пока не началось, — уже веселее ответил Крячко.

Выпить они не успели — в дверь позвонили, и Мария крикнула из кухни, что она занята и открывать дверь прибывшему Орлову Лев Иванович должен сам. Вздохнув, Гуров направился в прихожую и вернулся из нее уже в сопровождении Петра Николаевича, общего их со Станиславом друга, генерала, а заодно и начальника Главного управления уголовного розыска России — того самого, где Крячко и Гуров работали уже больше двадцати лет.

— Нос у тебя, Петр, как у ишейки — чует, где коньяк наливают. Только решили со Станиславом предчувствия обмануть и выпить, как ты на порог.

— Какие вы там еще предчувствия обманывать собрались? — потирая руки и проходя ближе к кухне, поинтересовался Орлов. — С праздником вас, дамы, — поздоровался он с Натальей и Марией и добавил: — Погодка на улице прямо-таки весенняя. Чудно — в начале января и такая оттепель! — Потом он повернулся к Гурову с Крячко и переспросил: — Так что там у вас за предчувствия?

— Давайте сначала выпьем, а потом уже Станислав тебе все и расскажет, — ответил Лев Иванович, наливая Орлову.

— Вы что же, пять минут подождать не можете? — Из кухни вышла Наталья с блюдом фруктов в руках. — Успеете еще. Лучше помогите мне все на столт расставить.

Мужчины дружно вздохнули и цепочкой потянулись к дверям кухни. Через пять минут все уже сидели за праздничным столом.

— Ну, теперь-то можно? — спросил Лев Иванович, покосившись на Наталью.

— Нам тоже налейте, а то нечестно как-то получается, — приподняла тонкую бровь Мария.

Крячко дотянулся до вина и начал было наливать, как вдруг Наталья прислушалась, склонив голову набок, а потом спросила:

— Чей там телефон в прихожей песни поет? Станислав, ты свой в кармане оставил? У меня-то в сумочке.

— Нет, мой телефон тут, в кармане, — Крячко похлопал по карману пиджака.

— Это мой, — встал Орлов и быстрым шагом вышел в коридор.

— Это они, — упавшим голосом заявил Крячко и посмотрел на Гурова.

— Кто они? — не понял Лев Иванович.

— Предчувствия, — многозначительно ответил Станислав.

Все притихли, прислушиваясь. Орлов все не возвращался, хотя телефон уже перестал звонить и все услышали, что он с кем-то разговаривает.

— Лева, ты как хочешь, а я выпью, — решительно заявил Станислав, поднимая свою рюмку. — Если нужно, так я тогда лучше пешком на работу пойду. А еще лучше — до завтра все подождет.

— Всем привет и поздравления от министра, — в комнату вошел Орлов и с усмешкой посмотрел на Крячко. — Только что звонил и поздравлял лично. Ну чего ты, Станислав, так на меня смотришь? Коли рюмку взял, так ставить ее обратно на стол — плохая примета.

Все облегченно рассмеялись и принялись поздравлять друг друга с праздником...

Утром Гурова разбудил звонок сотового. За окном было еще темно, и, чтобы не разбудить Марию, он быстро выскользнул из постели и, прихватив телефон, направился на кухню. Звонил Орлов.

— Тебе чего не спится? Коньяк не зашел? — сонно спросил Лев Иванович. — Рано ведь еще.

— Это тебе рано, — буркнул в ответ начальник.

Гуров по голосу Петра Николаевича почувствовал, что Орлов сейчас больше начальник, чем друг и товарищ, а поэтому уже серьезно спросил:

— Что случилось-то?

— Черт бы побрал этого Крячко с его предчувствиями, — ответил генерал. — Давай, поднимай его из постели и приезжайте на работу. Да заправься по дороге, поедете с ним в Суздаль. Накаркал Станислав — там... Впрочем, не по телефону. Приедете, я все расскажу на месте. — Орлов отсоединился, а Гуров, вздохнув и пригладив волосы на затылке, стал набирать номер телефона Станислава.

Тот, словно бы только и ждал этого звонка, сразу же ответил шепотом:

— Выкладывай.

— Да я и сам еще ничего не знаю, — ответил Гуров. — Петр только что позвонил и велел к нему подъехать. Говорит, что в Суздале какое-то ЧП и без нас там не разберутся. Сколько хоть времени?

— Половина седьмого, — так же шепотом ответил Крячко. — Во сколько тебя ждать? Кофе-то хоть выпить успею?

— Пей, — снисходительно позволил Лев Иванович. — Я и сам еще неумытый, неодетый и непроснувшийся. Не раньше чем через полчаса к тебе доберусь.

— И то радость, — усмехнулся Станислав и дал отбой.

— Ты чего тут с утра пораньше по телефону шушукаешься в темноте? — на кухню вошла Мария, включила свет и села рядом с мужем. — У твоего Крячко предчувствия сбывлись?

— Сбывлись, — усмехнулся Лев Иванович. — Орлов намекает на командировку в Суздаль.

— М-м-м, Суздаль... — мечтательно улынулась Мария. — Красивый городок. Помнишь, мы как-то в нем с тобой побывали. Давно, правда, это было.

— Вот, похоже, что теперь без тебя буду всеми достопримечательностями любоваться, — нахмурился Гуров. — Если время на это, конечно, будет.

— Иди умывайся, одевайся. Я тебе кофе поставлю да в дорогу что-нибудь соберу, — встала со стула Мария.

— Много не нужно. Термос с крепким чаем лучше приготовь. Я деньги возьму с собой. Не бойся, голодным не останусь. Вчера на целый год наелся.

— Вот и будете с Крячко доедать, что вчера не съели, — рассмеялась жена, подталкивая Льва Ивановича к выходу из кухни.

В половине восьмого оба оперативника уже стояли в кабинете Орлова. День был нерабочий, а потому секретарши на месте не оказалось, да и вообще народу, кроме дежурных, в управлении никого не наблюдалось.

— Чего встали как пни, садитесь, — Орлов кивнул на стулья. Сам он садиться не собирался и стоял возле окна, заложив руки за спину.

— И что там, в Суздале, такого срочного? — осторожно поинтересовался Лев Иванович, видя, что генерал не очень торопится рассказать им все новости.

— Меня сегодня в шесть утра подняли, — скептически посмотрев на свое отражение в темном оконном стекле, ответил Орлов. — Случай, прямо скажу, неприятный и неординарный. Хотя что я говорю? Неординарным и неприятным можно назвать всякое убийство человека. А уж тем более — молодой девушки. Но тут... — генерал вздохнул, нахмурился еще больше и опустил голову. — У меня племяннице восемнадцать лет, совсем еще девочка. В общем, ассоциации... — Он помолчал и продолжил: — Вчера вечером в полицию города Суздаля поступил звонок. В снежном городке на центральной площади был найден труп молодой девушки лет восемнадцати-двадцати. Тело было спрятано... Да, наверное, так нужно сказать — спрятано в одной из снежных фигур. Изображающей Русалочку, кажется. Представляете? — Орлов повысил голос и, резко повернувшись к подчиненным, гневно рубанул ребром ладони воздух перед собой. — Мало гадам, что убили молоденькую девочку, так еще и в снежный куб затрамбовали и русалочку вырезали. Словно в издевательство. Не постеснялись в самый центр города привезти и поставить. А ведь там дети — на площади-то!

Орлов четким размеренным шагом прошагал к своему столу, но садиться не стал, а сжал руками спинку кресла так крепко, что Гуров с Крячко заметили, как побелели у генерала пальцы.

Сыщики молчали, не зная, что ответить начальнику и другу на его справедливую гневную тираду. Они представили себе всю картину этого ужасного преступления и опустили головы, задумавшись над людской жестокостью. Им, оперативникам с большим стажем и опытом работы в уголовке, приходилось сталкиваться и с куда как худшими преступлениями. Но и их потрясла циничность и наглость преступников, которые не постеснялись чуть ли не в открытую заявить о себе. Наверняка изверги понимали, что привлекут внимание к своему преступлению, и таким вот образом бросали вызов органам правопорядка, будто говоря: вот, мол, мы какие лихие и бесстрашные, попробуйте поймайте нас.

— Подробности какие-то известны? — спросил Крячко, мало надеясь на получение этих самых подробностей от своего начальника.

— А ты сам как думаешь? — хмыкнул Орлов. — Местные вчера и успели только, что увезти это снежное... не знаю даже как назвать, — тяжело вздохнул он. — Растопили снег и вынули тело. Теперь им медэксперт занимается. Кто эта девушка... — генерал пожал плечами. — Надеюсь, что к вашему приезду ее опознают. Городок на площади оцеплять не стали — смысла нет. Там народу уже побывало за эти дни тьма-тьмушая.

— А сама эта снежная русалочка сколько там находилась? — поинтересовался Гуров.

— Вот и будете все на месте выяснять, — коротко ответил Орлов. — И чтобы меня в курсе держали. Ясно?

— Как обычно, Петр Николаевич, как обычно, — кивнул Станислав.

— Что-то еще или уже можно идти? — Лев Иванович выжидательно посмотрел на начальника.

— Вы там сразу, как приедете, спросите Петровского. Он вас в курс дела введет и все расскажет, помощь, какую надо, выделит. Дело серьезное, — задумчиво сказал Петр Николаевич и добавил, покачав головой: — Это ж кем нужно быть, чтобы до такого варварства додуматься?!

От столицы ехать до Суздаля надо было часа три. Удрученные нежданной поездкой и неприятной информацией, которую выложил им Орлов, сыщики долго молчали, обдумывали ситуацию. Первым нарушил молчание Станислав:

— Есть какие-то предположения по поводу личности убийцы?

— Информации у нас пока еще мало, чтобы строить предположения, — выдержав небольшую паузу, ответил Гуров. — Одно ясно — сделать такое с молоденькой девушкой мог только больной на всю голову маньяк или...

— Или это некое послание, — продолжил Крячко.

— Послание, предупреждение, привет... Какая разница, как это назвать? Но вполне возможно, что сделали это не ради развлечения, а с каким-то умыслом. Знать бы еще с каким.

— Будем искать, — согласно кивнул Крячко, и оба сыщика снова надолго замолчали. И только когда уже подъезжали к Суздалю, Станислав заметил: — Если бы не эта рождественская оттепель, то еще неизвестно, когда бы тело обнаружили — может, только к весне.

— А может, и вовсе никогда, — нахмурился Лев Иванович. — Куда потом эти снежные статуи из города после праздников вывозят? В реку скидывают или на свалку — кто знает?

— Городская администрация должна знать.

— Надо будет уточнить этот момент.

— Зачем? Наше тело ведь уже никуда не вывезут, — резонно заметил Крячко.

— Ну, мало ли... Всякое знание когда-нибудь пригодится, — ответил Лев Иванович.

Глава 2

Найти начальника суздальского МВД оказалось делом несложным. Петровский Аркадий Сергеевич сидел в своем кабинете и вычитывал какие-то бумаги, когда дежурный проводил к нему Гурова и Крячко. Полковник встал и, поздоровавшись с оперативниками за руку, сразу же приступил к делу.

— Не будем отвлекаться на вежливые, но никому не нужные политесы и расспросы. Давайте-ка я сразу вам расскажу все, что известно на сей момент, — сцепив пальцы в замок и серьезно глядя на московских коллег, сказал он. — Тело девушки в возрасте восемнадцати-двадцати лет было обнаружено вчера в девять вечера двенадцатилетним подростком Ильей Матвеевым. По рассказу свидетеля, он с друзьями играл в городке и в какой-то момент, пробегая мимо одной из снежных фигур, а если конкретно, то фигуры Русалочки, задел ее за руку. По всей видимости, он не просто ее задел, а ударил по ней палкой, — ухмыльнулся полковник. — Пацан, что с него возьмешь, — покрутил он головой. — Снег с руки упал, оттепель сделала свое дело, и он подтаял, а на месте снежной руки мальчик увидал настоящую, человеческую руку. Парень, конечно же, сначала растерялся...

— Представляю, — кивнул Лев Иванович. — Я бы и сам перепугался, а тут мальчишка.

— Не скажите! — возразил Петровский. — Нынче дети пошли отважные и непуганые. В интернете такого насмотрятся, что им сам черт нипочем. Испугаться парень не испугался, но дружков своих на такое «чудо» позвал посмотреть. А когда они насмотрелись вдоволь, то один из них позвонил своему отцу и рассказал о находке. Папенька, сами понимаете, праздник отмечал и поначалу не поверил сыну, но потом все-таки пришел, заодно пообещав надрать всем уши, если они его разыгрывают.

— А что, взрослых в это время на площади никого не было? Вроде бы как не поздно — девять-то часов, — уточнил Крячко.

— Какое там, — махнул рукой Петровский. — Вот вы сами вчера вечером чем занимались? — он с ехидной ухмылкой посмотрел на Гурова и Крячко, и те опустили глаза. — Вот-вот! В общем, звонок от гражданина Тельникова Алексея Валериановича поступил к нам в девять часов тридцать пять минут. Сначала на место приехал дежурный оперативник. Так сказать, для проверки вызова. Потом он отзвонился мне, и мы с ним решили связаться с мэром. Тот дал добро на вывоз...

э-э-э... снежной скульптуры. Не доставать же тело прямо на площади. Приехали грузовик и кран, загрузили, отвезли к нам во двор, — полковник махнул рукой в сторону окна. — Все данные свидетелей переписали, но пока что никого не опрашивали. Ребята с соседней стройки, благо там бригада одна еще работала, свет прожекторами на наш задний двор направили и горелками аккуратно снег растопили, девушку достали и передали судмедэксперту. Сразу пробили по нашей городской базе данных на предмет заявлений о пропаже. Девушка, по всей видимости, не из Суздаля, — вздохнул он. — Варежкин сейчас сидит у себя в кабинете и пытается определить, кто она такая и откуда.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул лохматый, рыжеволосый и конопатый парень лет тридцати.

— Заходи, Варежкин, только про тебя вспомнил! — обрадовался Петровский. — Ну что, нашел?

— Нашел, Аркадий Сергеевич, — шагнул в кабинет парень и, добродушно поздоровавшись с сыщиками, добавил: — Из Москвы она, Ащеулова фамилия, Елена Валерьевна. Девятнадцать лет. Заявление о пропаже, а вернее о похищении, было подано сразу двумя лицами — отцом и неким Пантелеевым Захаром Дмитриевичем — первого января. Но подано почему-то во Владимире.

— Что значит почему-то? — не понял Петровский.

Варежкин пожал плечами.

— Откуда пропала, оттуда и заявление подали. Наверное, она из Москвы во Владимир приехала на праздники, — бодро предположил оперативник.

— Ты сядь, — Петровский приглашающе указал подчиненному на стул. — И познакомься с коллегами из Москвы. Они будут это дело вместе с тобой расследовать. Так ты говоришь, что она была похищена первого января? Откуда такие сведения?

— Антон, — представился Варежкин Гурову и Крячко. — Похитили ее не первого, а тридцать первого, это заявление первого числа было написано, — уточнил он. — А о том, что ее похитили, я узнал, позвонив во Владимир по телефону, ко-

торый оставлен для информации. Для тех, кому есть что сообщить о девушке. В общем, я пока ничего не предпринимал, не говорил, что ее нашли, решил сначала все вам доложить.

— А это точно она — Ащеулова? — засомневался Крячко.

— По фото и по описанию судить — так похожа, — снова пожал плечами Варезкин. — Но нужно вызывать отца для опознания. Тогда уже точно можно будет сказать — она или не она.

— Девушка была одета, когда тело достали из снега? — спросил Лев Иванович.

— Верхней одежды на ней не было. Только платье и чулочки. Ни обуви — сапожек замшевых на шпильке, ни шубки, как написано в описании внешности, — ничего не было. И вещей при ней, значит, тоже никаких. А вот платье ее — оно под описание очень даже подходит. Красивое такое, изумрудного цвета, длинное, от Версаче. В общем, дорогое платье.

— Так, — постучал пальцами по столу Петровский. — Значит, нужно будет вызывать ее отца и этого, как там второго зовут... Ну, кто заявление подавал. Его фамилия Пантелеев? — вопросительно посмотрел он на Варезкина, и тот согласно кивнул. — А он вообще кто такой, этот Пантелеев? Родственник или...

— Не знаю, — Варезкин в третий раз пожал плечами. — Говорю же, не уточнял еще ничего.

— Ладно, понял, — хлопнул ладонью по столу Петровский. — По крайней мере, у нас есть от чего отталкиваться. Сейчас я вызову нашего медэксперта, посмотрим, что он нам скажет, и тогда уже начнем дальше работать.

Судмедэкспертом оказалась женщина сорока — сорока пяти лет, чуть полноватая, но фигуристая дама с короткой модельной стрижкой и сильно накрашенными глазами.

— Ольга Александровна, — представилась она сыщикам и сильно, по-мужски, пожалала обоим полковникам руку.

— Вскрытие уже производили? Время смерти установить получилось? — спросил ее Петровский.

— Ох, ну о чем вы говорите, Аркадий Сергеевич! Девушку, можно сказать, заморозили как мамонта. Все процессы за-

тормозились. Судить о времени наступления смерти можно, только зная, когда она пропала и с какого времени эта Русалочка появилась в снежном городке.

— Первого числа было заявление о пропаже девушки, — подсказал Варезкин.

— Уже установили личность? — повернулась к нему медик.

— Предположительно, — вздохнул Петровский.

— Что ж, вполне себе вариант, — согласилась Ольга Александровна. — Возможно, что ее убили и первого числа, а возможно, что и третьего или четвертого. Узнаете, когда на площади появилась фигура Русалочки, — узнаете примерное время убийства. Точнее не получится.

— Логично. Что там по поводу остального? — Петровский кивнул, давая добро на доклад.

— Я еще не оформила отчет. Но могу сказать коротко, что смерть наступила в результате удушения. Причем, скорее всего, убили девочку, положив на лицо подушку или еще что-то, что перекрыло доступ кислорода в легкие. Следов изнасилования нет. Синяки только на запястьях. По всей видимости, ее держали за руки, чтобы не сопротивлялась. Возможно, что убивали двое. Один держал руки, другой, сев девушке на ноги, закрыл ее лицо подушкой. Все характерные признаки указывают именно на этот способ убийства. Платье, чулки и белье забрали в лабораторию. Ребята потом подробнее расскажут, что узнали. Если говорить о содержимом желудка, то последний раз девушка...

— Ольга Александровна, вы извините, что перебиваю, но все это мы можем прочесть потом в отчете, — перебил ее Гуров, который терпеть не мог всех этих медицинских подробностей.

— Но другого я вам ничего сказать не могу, — развела руками судмедэксперт. — Снег и холод свое дело сделали — тело было заморожено и распаду не подверглось.

— Что ж, тогда спасибо вам, и ждем письменного отчета, — подвел итоги Петровский. Эксперт ушла, чуть покачивая полными бедрами.

— Давайте сделаем так, — предложил Лев Иванович. — Сейчас мы со Станиславом Васильевичем и Антоном поедем на площадь, посмотрим обстановку, поговорим со свидетелями. Не мешало бы и с мэром поговорить. Такое возможно? — он посмотрел на Петровского.

— Так наверняка, — кивнул тот. — Дело-то серьезное. Можно сказать, что в самом центре города случилось ужасное ЧП. Так что куда он денется, мэр? Согласится на встречу обязательно. На какое время встречу удобно назначить?

— Давайте часов на... — Гуров посмотрел на часы, — на два часа дня. Время послеобеденное, и, думаю, оно всех устроит. Но сначала нужно все-таки созвониться с отцом девушки и пригласить его на опознание тела. Антон, сделаете?

— Да, сейчас прямо и позвоню, — серьезным тоном ответил оперативник и встал из-за стола. — Думаю, минут через десять вернусь.

— Давай, двигай, — одобрил начальник. — А я пока гостей кофе напою. Люди с дороги все-таки.

Глава 3

На центральную площадь города поехали на служебной машине. За рулем был Варезкин, который оказался весьма разговорчивым парнем и рассказал по дороге все подробности вчерашнего вызова на место происшествия.

— Я такого еще никогда не видел, — недоуменно рассказывал он, — чтобы человека в снег утрамбовывали. А тут девушка, да еще такая молоденькая. Когда ее вчера из снега доставали, мне настолько не по себе стало, что думаю — найду этого гада обязательно, кем бы он ни был и где бы ни прятался! Кто на такое способен, должен на пожизненном сидеть. Псих какой-то. Так издеваться! Мало того, что упрятал убитую в снег, так еще и оформил в сказочный персонаж.

— Да, приятного мало, — согласился Крячко. — Слушай, Антон, ты с отцом ее говорил, он не сказал, когда подъедет?

— Мы в четыре часа встретиться договорились у городского морга. Мужик, судя по голосу, очень расстроился,

но сказал, что приедет обязательно. Кстати, я по-быстрому справки о нем навел — он, оказывается, не последний человек у вас там в Москве. Он один из инвесторов по городскому строительству, и у него две большие конторы по недвижимости. Небедный, значит. У меня тут даже мысль шевельнулась. Может, это на него кто-то давит? Наступил он на мозоль какому-нибудь криминальному авторитету, тот его через дочку и решил приструнить. Обычное, в общем, дело. Классическое.

— Может, и так, — согласился Лев Иванович. — Изнасилования не было — значит, мотив похищения был не сексуальный. Уж больно вся эта постановка с Русалочкой на некое послание похожа. Вот только одно непонятно. Богатый папа — в Москве, а послание оставляют — в Суздале.

— Может, у этого инвестора и в Суздале какие-то интересы есть, — предположил Крячко. — Влез, как говорится, не в свой огород, вот и предупредили.

— Обычно предупреждение под нос получателю отправляют, а не прячут в снег и не выставляют в центре другого города, — пожал плечами Варежкин.

Гуров обратил внимание на эту странную привычку молодого оперативника — всегда пожимать плечами в лад и невпопад, и невольно улыбнулся.

— Ну, это не обязательно — под нос послание отправлять, — ответил он Антону. — Иногда, чтобы человека напугать, и не такие финты выделывают. Но почему именно Русалочка, а не Снегурочка, например, или не фея? Вот в чем вопрос. Может, именно в этом персонаже и кроется загадка?

— Ах, так вы же девушку не видели! — Антон стал выкруливать на стоянку возле площади. — Эта Елена Прекрасная просто внешне очень на русалку похожа. Сама такая тоненькая, стройная, глаза большие, зеленые, и волосы тоже зеленые.

— Что значит — волосы зеленые? — не понял Крячко.

— Выкрашены в зеленый цвет, — пояснил Варежкин. — Красивая девушка, надо сказать. Личико как у киношной Русалочки. Знаете, есть такой фильм-сказка. Я в детстве еще смотрел.

— Ну, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть, — согласился Крячко, выходя из машины. — Вот ведь погода! Январь на дворе, а вместо снега дождь с неба льет. — Станислав надел на голову капюшон куртки.

— Это плохо, — ответил ему Гуров. — Мороз ударит — такой гололед начнется на дорогах, что и шипованная резина не поможет. Ну, веди нас, Сусанин, к месту, где Русалочка стояла.

Втроем они прошли к середине площади, и Антон, подойдя к очерченному на подтаявшем снегу красной краской кругу, сказал:

— Вот тут она и стояла. Мы место специально пометили — вдруг пригодится.

Лев Иванович и Станислав оглядели площадь. Администрация постаралась и заказала некоей фирме отменный снежный городок. Были в нем и ледовый дворец, и большая горка, и крепость, и несколько ледовых фигур, и большие снежные статуи Деда Мороза со Снегурочкой. Посредине площади, неподалеку от места, где стояли сыщики, высилась городская елка. Вся площадь по периметру была обвита гирляндами и разноцветными лампочками, которые сейчас уже были выключены и качались на сыром и промозглом ветру, словно погремушки над детской коляской.

— Я обратил внимание, — сделал рукой круг Варежкин, — что Русалочка не совсем вписывается в тематику снежного городка.

— В каком смысле не вписывается в тематику? — недоуменно огляделся Крячко.

— Ну как же, Станислав, посмотри. — Гуров тронул напарника за рукав. — Все фигуры — зверушки, кроме Деда Мороза со Снегурочкой, конечно. А тут — Русалочка, существо мифическое.

— Ну и что? — не понял Крячко. — Вот, возле нас еще Щелкунчик стоит. Он тоже не вписывается в тематику.

Гуров и Варежкин воззрились на снежного Щелкунчика, который стоял неподалеку от них, а потом Антон по своей привычке пожал плечами и ответил:

— Предыдущий год годом Крысы был. Может, поэтому и поставили Щелкунчика. Ведь в сказке именно он прогоняет королеву крыс Мышильду. Так что вполне даже к месту этот Щелкунчик. Ну что, будем со свидетелями разговаривать? — сменив тему, спросил оперативник. — Этот Тельников, который вызвал полицию, вон в том доме живет. — Антон указал на двенадцатизэтажку неподалеку от площади.

— Будем, — задумчиво глядя на Щелкунчика, подтвердил Гуров.

В квартире, где проживал свидетель Тельников, им долго никто не открывал. Только после четвертого настойчивого звонка за дверью раздалось хриплое:

— Кого там принесло?

— Уголовный розыск, — строгим казенным голосом ответил Варежкин. — По поводу вчерашнего происшествия. Открывайте, Алексей Валерианович, нужно поговорить.

— Сейчас открою, оденусь только, — ответили из-за двери, и снова наступила тишина.

Открыли оперативникам только минут через пять, когда терпение Варежкина уже начало иссякать.

— Входите уже. Только беспорядок у нас. Но вы внимания не обращайтесь. Праздники ведь. — Дверь на этот раз отворила женщина. Заспанная, в мятом халатике, с волосами, торчащими из наспех зачесанной под ободок прически.

В квартире пахло перегаром, дешевым табаком, кислой капустой и чем-то пригоревшим. По комнате, в которую вошли оперативники, гулял ветерок, но форточки, по всей видимости, открыли только что, и поэтому свежий воздух еще не успел выветрить все запахи вчерашней попойки.

— А хозяин-то где? — оглядываясь, спросил Лев Иванович.

— Умывается, — коротко бросила хозяйка и быстренько прибрала с дивана валявшийся на нем какой-то предмет женского гардероба. — Садитесь, — пригласила она, — сейчас выйдет.

Крячко и Варежкин с опаской сели на старенький диван, а Лев Иванович остался стоять. Он с интересом рассматривал

убогую обстановку гостиной и думал: насколько же все-таки такие квартиры пьющих людей похожи одна на другую! Тот же старый, потертый и засаленный диван, стол, застланный полинялой скатертью и заставленный остатками еды и бутылками, небольшая стенка еще советских времен, но со слоем пыли времен нынешних, и новенький, блестящий плоским черным экраном, купленный в кредит телевизор...

— Вот, я готов, — раздался бодрый, но все еще хриплый с перепоя голос хозяина, и сам он появился во всей своей красе. Чисто умытый, но небритый, чисто одетый, но в невыглаженной рубашке и трениках, вытянутых на коленях. Приглаживая мокрые реденькие волосы, Тельников цыкнул на стоящую в дверях хозяйку: — Чего встала-то? Иди, чайник гостям поставь.

— Да мы вообще-то не в гости, Алексей Валерианович, — серьезно глядя на мужчину, сказал Гуров. — Мы по делу. А поэтому пусть ваша хозяйка не суетится. Не нужно чайник, — обратился он к женщине. — Мы пару вопросов зададим и уйдем.

— Так и ладно, — отчего-то смутился Тельников. — Задавайте, отвечу, что знаю. Только ведь я ничего и не знаю. Меня сын на улицу позвал, это он с друзьями эту, это... в общем, тело нашел. А кто там был-то? — он посмотрел на Варезкина, и глазки его блеснули каким-то нездоровым интересом.

— Девушка там была, молоденькая, — ответил за Варезкина Крячко и спросил: — А сын у вас где?

— Так он у друга своего, у Илюхи Матвеева. Илюха это... эту и нашел. Вернее, руку.

— Угу, — задумчиво произнес Лев Иванович. — А Илюха этот — он далеко живет?

— Так вот, на третьем этаже у нас в подъезде и живет, — ответил Тельников. — Если надо, то мы его живо позовем, сына-то. Да, мать?

Женщина кивнула и выжидательно посмотрела на Гурова. Лев Иванович, в свою очередь, посмотрел на Крячко и Варезкина. Те тоже дружно кивнули, и полковник дал добро на доставку мальчика в квартиру.

Женщина вернулась минут через пять. За ней с любопытством, отражавшимся на разрумяненных лицах, шли два подростка лет двенадцати-тринадцати. Гурову даже на мгновение показалось, что они братья-близнецы — так мальчишки были похожи. Оба светленькие, круглолицые, сероглазые, одного роста. Вот только форма носа и губ у мальчиков была различной и на коже лица одного из них явственно пробивались конопушки, рассыпанные по переносице и щекам.

— Вот, — торжественно указал на мальчиков Тельников, — это сын мой Георгий и друг его — Илья Матвеев. Че встали как пни? — обратился он к нерешительно топтавшимся на пороге пацанам. — Поздоровайтесь.

Мальчишки робко протянули руки и по-мужски, с рукопожатием, поздоровались со всеми тремя оперативниками.

— Ну и кто из вас первый обнаружил, что русалочка с «секретом»? — улыбнувшись только одними глазами, спросил Лев Иванович. Ему понравились эти серьезные на вид ребята.

— Я, — с вызовом в голосе ответил один из мальчиков.

— Тебя Ильей зовут? — уточнил Гуров, и мальчишка кивнул. — Вот и расскажи, Илья, как все произошло. Вы часто на площади играете?

— Так они постоянно на улице. Все каникулы. А чего им дома-то сидеть? — встрял Тельников, но Варежкин посмотрел на него так, что тот быстро умолк и, смущенно крякнув, отвернулся.

— Да, — подтвердил слова Тельникова Илья. — Как городок построили перед Новым годом, так мы там постоянно и гуляем. Во дворе скучно, а там и крепость есть, и горка. Так что как на улицу выходим, так на площадь и идем.

— Мы даже видели, как этот городок и елку собирают, — вставил свое слово Георгий. Илья, согласный с другом, кивнул.

— Так. Теперь расскажите о том, что случилось вчера, — снова попросил Лев Иванович.

Илья почесал голову и, немного подумав, ответил:

— Мы, как обычно, вышли на улицу часов в шесть вечера и на горке сначала катались. Но все таяло, и ледянки все вре-

мя в лужу, которая под горкой натаяла, въезжали. Нам и надоело. Начали в догонялки играть. А потом... — паренек замялся.

— Говори как есть, мы не кусаемся, — усмехнувшись, подбодрил мальчика Варежкин.

— Баловаться начали, — нехотя признался паренек. — Забирались на снежные фигуры и прыгали с них, потом я палку подобрал и как саблей стал ею махать и... делал вид, что сражаюсь с врагами.

— Мы сначала между собой сражение устроили на палках, — подсказал Георгий. — А потом стали просто бегать и по ледяным фигурам лупить.

— Долупился, оболтус, — хмуро посмотрел на сына Тельников. — Тебя самого давно не лупили, видать, — погрозил он мальчику, и тот обиженно поджал губы.

— Бить детей непедagogично, нам Тамара Семеновна говорила, — заступился за друга Илья, искоса глянув на реакцию отца Георгия, а потом на Гурова, как бы спрашивая у него поддержки в таком важном для детей вопросе. Лев Иванович одобрительно улыбнулся, и Илья уже смелее продолжил свой рассказ: — Я не думал, что она возьмет и разобьется — рука-то! Просто стукнул по ней. А она возьми и отвались. Не вся, а снег только. А под снегом что-то такое светлое оказалось. Я думал сначала, что это палка, может, на которую снег накладывали, чтобы придать фигуре позу нужную. Ну и подошел поближе посмотреть. А там не палка была вовсе, а рука. Я думал, что манекен. Но потом пригляделся и увидел, что настоящая это рука, только ледяная.

— Испугался? — спросил Илью Варежкин и сочувственно посмотрел на мальчика.

— Не-а. Просто удивился сначала. А потом — да, испугался немного и ребят — Гошку с Виталиком — позвал, чтобы посмотрели.

— Ага, не испугался! — Георгий с усмешкой посмотрел на друга, а потом, обращаясь к оперативникам, добавил: — Он когда нас позвал, то сам белый, как Снегурочка, был, одни конопухи на носу желтели, — хмыкнул паренек. — Че говоришь, что не испугался? Испугался же!

— Я и говорю, что испугался, потом уже, когда понял, что рука настоящая, — насупился Илья. — А сам-то ты, что ли, не струхнул?

— Я-то нет, — приосанился Георгий. — Это Виталик сразу домой засобирался.

— Ну хорошо, — перебил их перепалку Гуров, едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. — Налюбовались рукой, и что дальше?

— Так вот, я бате позвонил, — посмотрел на отца Георгий. — У Ильи мать не разрешает телефон на улице брать, он у него дорогой — айфон, — с завистью в голосе сказал Георгий. — А у меня — простой. Я всегда его с собой беру. Вот и позвонил.

— Я сразу-то им не поверил. — Тельников, который все это время стоял и нетерпеливо топтался у окна, подошел поближе. — Но голос у Георгия был слишком уж возбужденный для шуточек. Да у меня и не пошутишь шибко-то! — Он многозначительно посмотрел на сына, и тот с готовностью кивнул, подтверждая отцовские слова. — Надел куртку, вышел и убедился, что такое вот дело, а потом в полицию позвонил. Пацанов оставил на улице караулить, чтобы никто не подходил к этой Русалочке близко, а сам побежал, чтобы потеплее одеться. Так полиция быстро приехала. И полчаса не прошло, — добавил он, с уважением посмотрев на Варезкина.

— И все? — спросил Гуров.

— Ну да, и все, — ответил Тельников.

— Никто, пока вы там стояли, к вам не подходил и ни о чем не спрашивал?

— Не, никто не подходил, — помотал головой свидетель. — Так и народу-то не было никого. Пара ребятишек на горке кувыркалась и мои вот, — он кивнул на мальчишек, — рядом стояли.

— Ребята, а вы, когда гуляли, никого поблизости подозрительного не видели? Может, наблюдал кто-то со стороны?

— Нет, никого не было, если вы имеете в виду чужих. Все только свои были, — ответил за двоих Георгий. — Мы же тут всех знаем или в лицо, или даже по имени. Не, чужих никого не видели.

— Так центральная же площадь в городе! Даже если и был кто не с соседних дворов, то кто ж его разберет, гуляет человек или специально наблюдает, — решила вставить свое слово хозяйка.

— Тоже правильно, — задумчиво кивнул Лев Иванович и сказал: — Ну что же, спасибо за информацию. Больше пока вопросов у нас нет. У вас тоже нет? — Он посмотрел на Крячко и Варежкина.

— Пока нет, — ответил Крячко.

Они стали прощаться с хозяевами и снова пожалы мальчикам руки. Те с серьезным видом посмотрели на оперативников, а потом переглянулись, и Гоша, решившись, спросил:

— А кто там был, в снегу-то? Женщина какая-то? Ее чего, убили?

— Много будешь знать, — шелкнул сына по носу Тельников, — быстро поседеешь.

Глава 4

— Мне тут от начальника эсэмэска пришла, пока мы беседовали, — заявил Варежкин, когда оперативники вышли из квартиры Тельникова и спустились на улицу. — Он ждет нас в кабинете. Говорит, что есть новости от криминалистов и отчет от судмедэксперта принесли. Он хотел бы, чтобы мы посмотрели все материалы, прежде чем с мэром разговаривать.

— Ну, тогда поехали в управление, — согласился Станислав Крячко. — Все равно до двух часов еще куча времени.

— Тем более что мы утром не посмотрели фотографии и вообще, конечно же, информации мало пока, — добавил Гуров.

— Это мое упущение, мне нужно было сразу вам все фотографии показать, — смутился Варежкин.

— Вот сейчас и покажешь, — ободряюще похлопал его по спине Лев Иванович и сел в машину.

В кабинете у Петровского было душно и накурено. Начальник был заядлым курильщиком, а потому разрешал у се-

бя в кабинете курить всем, кто пожелает. А таких набралось три человека.

— Вы бы хоть форточку открыли, Аркадий Сергеевич, — нахмурился Гуров. — А то в кабинете, как в поговорке, хоть топор вешай.

— Ладно, ладно, — миролюбиво ответил Петровский, встал, сам открыл окно и scomандовал подчиненным: — Кончай, ребята, с перекуром, работать будем. Давай, Рекунов, докладывай, что у тебя есть по уликам.

— Улик немного, и не все они существенные. Пока несущественные, — поправился Рекунов, — если к ним не будет дополнительной информации. — Лаборант аткрыл папочку с документами. — Перво-наперво мы взяли образцы снега с места происшествия. Вернее, образцы воды от растаявшего снега. И выяснили, что его для скульптуры брали не в черте города. То есть следов загрязнения, присущих снегу в городской черте, там нет. Снежок чист и свеж. Но есть в нем компоненты растительного происхождения. Хвоинки и небольшие частицы сухих листьев говорят, что снег брали где-то за городом, в смешанной лесополосе. И, кстати, по всей видимости, где-то неподалеку или костер жгли, или печь топили. Потому что в снеге было немного сажи.

— Может, загородный коттедж топили или возле какой-нибудь деревеньки снег набирали? — предположил Петровский.

— Может и такое быть, — согласился эксперт. — Но вот где конкретно — это определить пока нет возможности. Если только нам фирма, которая городок устанавливала, что-то не подскажет.

— Да, надо обязательно узнать у мэра, кто осуществлял заказ на изготовление городка, и поговорить с ответственными за это лицами, — сделал пометку в блокноте Гуров. — Может, через них попробуем выйти на место убийства. Хотя, я думаю, убили девушку в каком-то одном месте, а потом уже вывезли ее и все остальное проделали за городом.

— Да, убили девчонку, скорее всего, в машине, — согласился эксперт. — На ее одежде и в волосах были найдены во-

локна ткани, которая применяется для пошива чехлов в авто. Скорее всего, это машина марки «Ленд Крузер». Еще на девушке, а вернее в ее ноздрах, был найден образец козьего пуха. Скорее всего, от свитера. Не скажу, какой вязки. Это может быть и ручная работа, и машинная вязка. Информации мало. Наверное, ее лицом прижимали к одежде. Вернее сказать, такая одежда была на убийце. Девушка и вдохнула в себя пушинку. И с ее платья сняли несколько волосков собачьей шерсти. Судя по окрасу и структуре — с дальневосточной овчарки. И последнее — пепел от женских сигарет марки Kiss. По всей видимости, девушка курила.

— Курила, — подтвердил Петровский, держа в руках какую-то бумагу и заглядывая в нее, — но нечасто. Это у меня полный отчет от патологоанатома, — пояснил он Гурову и Крячко, передавая им бумаги.

— Между указательным и средним пальцами девушки найдена частичка прилипшей табачной крошки, что говорит о том, что она курила незадолго до смерти. Вернее, хотела закурить, — поправился Рекунов. — Насколько я помню отчет медэксперта — легкие у нее были чистые. В принципе, у меня все.

— Получается, что девушка вышла выгулять собаку, ее похитили, закинули в машину и убили там же, — высказал свое предположение Варежкин и вопросительно посмотрел на Гурова и Крячко.

— Вполне возможно, — согласился Гуров. — Я так понял, что она в момент похищения была во Владимире. Заявление поступило от... — он вопросительно посмотрел на Варежкина.

— От некоего Пантелеева Захара Дмитриевича, 29 лет, — пояснил Варежкин. — Он подал его в час ночи, первого января. То есть практически сразу после исчезновения девушки. Потом точно такое же заявление подал и отец девушки, который приехал во Владимир из Москвы уже под утро. Других подробностей мы пока не знаем. Словом, нужно ехать во Владимир.

— Да, и чем скорее, тем лучше, — согласился Лев Иванович и посмотрел на Крячко. — Кто из нас остается, а кто едет?

— Я поеду, а ты тут дальше разруливай, — ответил Станислав. — Машину, правда, твою заберу, так что...

— Так понятное дело, не на автобусе же тебе ехать, — махнул рукой Лев Иванович. — Антон, ты все нужные данные перепиши для Станислава Васильевича. Прямо сейчас. И дай фотографии нам.

— Вот, — Варезкин достал из папки несколько фотографий и передал Гурову и Крячко. Те стали внимательно их рассматривать.

— Мы можем идти? — спросил у Петровского Рекунов.

— Идите, если больше нечего сказать. Отчеты оставьте. Завтра с утра — на планерку. Все, праздники кончились, — сурово заметил начальник.

— Как будто они у нас были, — ухмыльнулся один из молодых экспертов, вставая из-за стола и направляясь к выходу.

— А ты не умничай, Мельников, а то ведь если тебе праздники нужны, так иди в учителя химии, а не в эксперты, — парировал Петровский.

Варезкин тем временем что-то быстро переписывал из своего блокнота на лист бумаги, который выпросил у начальника, а потом протянул написанное Крячко.

— Вот, тут номер телефона, по которому нужную о девушке информацию собирают, и данные Пантелеева. Больше у меня ничего нет. Нужно на месте все добывать. Они, — он постучал пальцем по номеру телефона, — мне по телефону информацию не стали давать. Говорят, если что-то важное, то приезжайте.

— Вот и приедем. Вы мне копию вот этой фотографии сделайте. — Крячко протянул Петровскому фото девушки. — Можно даже две. И вот эту тоже, где она крупным планом. — Он выбрал и отдал еще одно фото.

Петровский запустил ксерокс и через пару минут отдал Станиславу готовые копии. Все встали. Гуров посмотрел на часы, что висели на стене у Петровского за спиной.

— Ого, уже половина второго. Пора к мэрии выдвигаться. — Лев Иванович посмотрел на Варезкина. — Антон, отвезешь?

— Куда он денется? — Петровский тоже встал. — Он теперь как привязанный будет с тобой, Лев Иванович, ходить. Так что можешь распоряжаться им как самим собой.

— Не против? — Гуров с улыбкой посмотрел на Антона.

— Нет, — пожал тот плечами. — Я несемейный, а со своей девушкой накануне Нового года поссорился. Так что лучше уж на работе, чем одному в четырех стенах.

— Тогда пойдем проводим Станислава Васильевича и сами поедем на встречу с мэром. Надо до четырех успеть. Потом ведь еще в морг, на встречу с Ащеуловым. Я правильно понял?

— Да, я на четыре договаривался, — подтвердил Варежкин.

Крячко распрощался с Петровским, и оперативники вышли из кабинета.

— Антон, — крикнул им вслед начальник суздальского угро, — меня сегодня больше не будет. Но утром обязательно ко мне с отчетом. Понял?

— Понял, понял, — отозвался Варежкин и улыбнулся Гурову, подмигнув. — Хороший у нас начальник.

Гуров с Крячко подошли к машине Льва Ивановича, а Варежкин пошел заводить служебную машину.

— Ты меня в курсе держи. — Станислав посмотрел на Гурова. — Где ночевать-то собираешься?

— Не думал еще на эту тему. Но наверняка тут есть какая-то гостиница, — ответил другу Лев Иванович. — А ты сам-то как? Деньги есть?

— Есть, — кивнул Крячко. — Я, наверное, у Натальиной родственницы во Владимире заночую. Тетка у нее там двоюродная живет. Телефон ее я узнал у жены на всякий случай. Ну а там как уж дело повернется.

— Если девушку во Владимире украли, то нам с тобой придется оттуда и начинать поиск. Так что если в Суздале ничего нового не обнаружится, то доберись на автобусе до Владимира или попроси Петровского, чтобы отвезли. Тут недалеко, полчаса езды, если не меньше. Может, я сегодня еще и приеду к тебе.

— Ладно, поехал я. Не будем загадывать. Сам знаешь, иногда в расследовании такие повороты случаются, что мы с тобой как в сказке — пойдём туда, не зная куда.

— Ага, — усмехнулся Лев Иванович, — и найдем то, не знаю что. Русалочку уже нашли, а что там дальше на неведомых дорожках нас ждет — никому не известно. Ты тоже меня в курсе держи.

— А то!

Крячко сел за руль и завел машину, а Гуров отправился к ждавшему его неподалеку Варезкину.

— Ну что, к мэру на прием? — бодро спросил он Анто-на. — Что у вас за мэр? Ну-ка расскажи мне о нем, пока едем.

— Хороший у нас мэр, — привычно пожал плечами Варезкин. — Адекватный. Все проблемы всегда старается решить оперативно. В общем, мэр как мэр, чего о нем рассказывать.

— Это хорошо, когда мэр адекватный, — рассмеялся Гу-ров. — Значит, на все наши вопросы у него будут адекватные ответы.

Мэр и вправду оказался мужчиной радушным и, внима-тельно выслушав первый вопрос столичного полковника, от-ветил:

— Заказ на городок выполняла частная фирма. Называется «Данило-мастер». Уж не знаю, что они имели в виду под назва-нием. Может, сказку Бажова, а может, имя владельца фирмы — его зовут Даниил Ларионов. Мужчина ответственный. Мы с ним уже не первый год работаем. Всегда все к сроку выпол-нял. И мастера у него уже не один год одни и те же. Кого попало он к себе на работу не берет. Проектов у него много разных. Вот, каталог у меня даже есть. — Мэр протянул Гурову яркую книжечку. — В интернете отзывы об их работе только хорошие.

— Не знаете, а этот мастер Данило только в вашем городе такие заказы выполняет или к нему другие могут обратиться?

— Так я же и говорю, у них в интернете свой сайт. Они и от частных лиц заказы принимают, и от фирм разных, и от муниципалитета. Цены тоже разные. Есть и повыше, а есть и недорогие проекты. Я знаю, что у нас даже парочка детских садов их услугами пользуется.

Лев Иванович пролистал красочный каталог и спросил мэра:

— Мы можем его у себя оставить или он у вас в единственном экземпляре?

— Нет-нет, у меня еще есть, — поспешил ответить мэр. — Оставляйте, конечно.

Лев Иванович передал каталог Варезкину и задал новый вопрос:

— Расскажите, как вы вообще договариваетесь на создание такого вот городка. Мне неинтересно оформление бумаг, а вот сама работа... Наверно, все зависит от бюджета, который будет вложен в проект? И как подбираются фигуры в городок? Подробнее, пожалуйста.

— Сначала я смотрю каталог и цены, — с расстановкой, не торопясь, чтобы ничего не упустить, стал объяснять мэр. — Потом звоню Даниилу Евгеньевичу, и мы с ним встречаемся лично. Чаще всего он ко мне сам приезжает. Но бывает и наоборот — я еду к нему, чтобы самому посмотреть, что и как. Иногда он мне предлагает что-нибудь новое, интересную идею подкидывает.

— Фигуры они делают и снежные, и изо льда. Я правильно понял?

— Да-да, — покивал мэр. — Вот, например, Дед Мороз со Снегурочкой у нас всегда большие — из снега вылепленные. Или вырезанные, если хотите. А вот по поводу остальных фигур мы с Ларионовым все отдельно обговариваем.

— А в этом году вы как с ним договаривались? На какой-то определенный проект или каждая фигурка в отдельности?

— В этом году Даниил Евгеньевич предложил проект. Если вы видели, то в городке у нас в основном лесные зверушки представлены. Ну, кроме традиционного оленя с санями и быка — он как символ наступающего года сразу в проект был заложен.

— Возле елки у вас стоят, вернее стояли, две фигуры — Щелкунчика и Русалочки. Снежные фигуры. Они тоже в проект входили?

Мэр на минуту задумался, по-видимому вспоминая, о чем идет речь, а потом ответил:

— Нет, они не входили в проект. Это точно. Но возможно, что Ларионов сам проявил инициативу и поставил их в нашем городке. Знаете, пару раз так уже было. Мы заказывали конкретные фигуры и оплачивали, а потом Даниил Евгеньевич подвозил еще что-то и устанавливал уже по своей инициативе. Как он говорил — в подарок городу. Но на самом деле он просто ставил, так сказать, бесхозные фигуры. Знаете, бывает, что кто-нибудь закажет всего слишком много, а потом денег у людей не хватает. Вот и остаются какие-то снежные произведения, так сказать, невостребованными. Куда их девать? Привозят на площадь.

— Вот как, — задумчиво сказал Лев Иванович и вопросительно посмотрел на Варезкина. Тот понимающе кивнул и спросил мэра:

— Но вы точно не знаете, Ларионов эти фигуры привез и установил на площади или это все же не он? И второй вопрос: когда были установлены фигуры?

— Нет, не знаю. Он лично мне не звонил и ничего не говорил. Вы меня извините, но я могу узнать, почему в полиции интересуются снежным городком? Мне позвонили и сказали, что приехали из Москвы следователи... Что-то не так? Я бумаги могу показать. Все законно оформлено.

— Наверное, вы что-то не так поняли. — Гуров нахмурился и стал объяснять: — Звонили вам из уголовного отдела МВД. И да, я из Москвы, но не следователь, а оперуполномоченный. Понимаете, мы сейчас расследуем убийство. Убитая — молоденькая девушка — вчера вечером была найдена в одной из снежных фигур вашего сказочного новогоднего городка. Вот такие дела. Поэтому мы и обратились к вам за разъяснениями. Нам нужно понять, откуда взялась в центре городской площади снежная Русалочка. В которой и был спрятан труп убитой.

Мэр слегка побледнел, но тут же взял себя в руки и, чуть поджав губы, спросил:

— Вы думаете, что это... эту Русалочку привезли от Ларионова? Думаете, что это Даниил Евгеньевич... Мы столько лет вместе работаем, столько времени знакомы...

— Вы не волнуйтесь, — успокоил мэра Гуров. — Вполне возможно, что этот ваш Ларионов ничего не знал о содержимом снежной Русалочки. Может даже, он вообще непричастен к изготовлению этой фигуры. Мы это выясним.

— Мне бы хотелось быть в курсе. — Мэр налил стакан воды и залпом выпил. — Это возможно? Сами понимаете — такой скандал. На площади же детей всегда куча...

— М-да, детей много. — Гуров решил не говорить мэру, что обнаружил тело как раз таки двенадцатилетний мальчишка. — Хорошо. Мы будем держать вас в курсе. Во всяком случае, вы всегда можете позвонить вот по этому телефону. — Лев Иванович протянул ему визитку Варежкина, которую тот предусмотрительно передал через полковника. — Капитан всегда ответит на все интересующие вас вопросы.

— Да, конечно же. Спасибо.

Мэр взял визитку, растерянно повертел ее в руках и положил на стол.

Гуров с Антоном собрались уже уходить и распрощались с мэром, но вдруг Лев Иванович вспомнил, что хотел еще кое-что узнать, и, повернувшись, спросил:

— Скажите, а куда обычно потом вывозят все эти фигуры и вообще как утилизируется снежный городок? Не до весны же он стоит.

— Нет, конечно же! Его вывозят в специальное место за город. Там есть снегоплавильный пункт, в котором снег из всего города, в том числе и из снежного городка, плавят, а воду очищают и используют для технических нужд. Услуга вывоза платная и входит в бюджетные городские расходы, — пояснил мэр.

Глава 5

— Ну и какие мысли насчет того, как Русалочка появилась на городской площади? — спросил Гуров Антона, когда они вышли из мэрии.

— Не думаю, что она приехала из конторы Ларионова, — сразу же ответил Варежкин. — Если только... — Он на несколько секунд задумался, а потом продолжил: — Если толь-

ко Ларионова кто-то намеренно не захотел подставить из его же работников. Но все равно очень рискованно. Нужно быть совсем уж балбесом, чтобы не догадаться, что полиция начнет шерстить прежде всего работников фирмы или конкурентов Ларионова и неминуемо выйдет на того, кто Русалочку сделал. Мне кажется, что тут без вариантов — Русалочку лепили точно не в Суздале. Возможно, во Владимире или в окрестностях. Девушку ведь во Владимире похитили, не так ли?

— С доводами согласен, — кивнул Гуров. — Но вот исключать версию, что суздальские похитили девушку во Владимире, а потом привезли ее сюда, тоже не стоит.

— Но зачем? — удивился Варежкин. — Не вижу смысла в таких передвижениях. Я бы, наоборот, на месте убийц скинул труп в другом городе.

— Они в другом городе и скинули, — усмехнулся Гуров. — Убивали-то не в Суздале. Хотя... — Лев Иванович задумался. — Знать бы мотив убийства, можно было бы проще строить предположения и выдвигать версии. А так... Можно пока что только пальцем в небо тыкать.

— У меня есть пара версий, почему ее убили, — сказал Варежкин.

Они с Гуровым стояли на стоянке возле машины. Лев Иванович посмотрел на часы и сказал одобрительно:

— Тогда выкладывай свои версии. До встречи с Ащеуловым у нас время еще есть.

— Давайте вон в то кафе зайдём и что-нибудь перекусим, — предложил капитан. — Потом свободного времени может и не быть. А я, пока едим, свои мысли вам выскажу.

— Полезное с приятным, значит, предлагаешь совместить? — хитро посмотрел на Варежкина Лев Иванович и, хлопнув его по плечу, одобрил предложение: — Правильно мыслишь, пойдем совмещать.

— Так вот, — продолжил Антон после того, как сыщики заказали еду. — Первая версия — девушку мог убить сам Пантелеев Захар. Думается мне, что он не родственник этим Ащеуловым, а парень этой девушки.

— Почему ты так решил? — с интересом посмотрел на Варезкина Лев Иванович. — Ей девятнадцать, а ему... тридцать пять?

— Двадцать девять, — кивнул Антон.

— Разница большая.

— Большая, — согласился опер. — В этом возрасте мужики обычно уже женаты...

— Кто бы говорил, — рассмеялся Гуров.

— Ну, у меня работа такая, что не всякая девушка за меня пойдет замуж, — смутился Варезкин.

— Ты же не знаешь, кем работает этот Пантелеев, — привел весомый довод Гуров. — Ну да ладно, предположим, он, этот Захар Пантелеев, был парнем Ащеуловой и убил ее. А потом позвонил ее отцу в Москву и побежал в полицию заявление писать, чтобы скрыть преступление. Такое, конечно, вполне может быть. Но какой же мотив?

— Да какой угодно! Ревность, например.

— Нет, Антон, эта версия — совсем даже не версия, — не согласился с Варезкиным Лев Иванович. — И даже не предположение. Пока нет каких-то конкретных данных по поводу того, кто кому и кем приходится в этой истории, выдвигать что-то рановато. Ну а какая вторая версия?

— Девушку мог похитить и убить ее бывший парень, которого она отвергла, — нерешительно покосился на полковника Антон.

— Мог, вполне даже мог, — согласился Гуров. — Но тогда он должен был взять кого-то еще к себе в подельники. Ты ведь должен помнить, что убивали девушку как минимум двое. Один держал руки, второй душил. Интересно, какой поклонник, даже бывший, рискнет взять на такое рискованное дело кого-нибудь из друзей? Такие дела, как убийство из ревности, либо совершаются один на один и тайно, либо заказываются кому-то из криминала.

— Так, может, ее и заказали? — с надеждой в голосе спросил Антон. — Нашли исполнителей, те выследили, похитили и убили...

— Ты детективами, случайно, в свободное время не увлекаешься? — сдерживая улыбку, поинтересовался Лев Ива-

нович. — Ну вот смотри. Девочке всего девятнадцать. Если ее бывший поклонник из молодых, то где он возьмет столько денег, чтобы оплатить ее убийство? А денег тут понадобится немало. Притом не всякий уголовник, даже со стажем, за мокрое дело возьмется. Это во-первых. А во-вторых, где этот молодой будет искать профессионала? В интернете?

Гуров помолчал, перевел дух и продолжил:

— Теперь предположим такую ситуацию. Девчонку убил какой-нибудь «папик». Или кого-то нанял для этого дела. Допустим, девчонка захотела от него уйти, и он оскорбился. Или он сам захотел ее бросить по какой-то неведомой нам с тобой причине. Но какой же смысл ее убивать? Хоть самому, хоть с помощью кого-то другого? Да еще и большие деньги за это платить? У него при его деньгах таких пигалиц еще штук десять будет. Одной больше, одной меньше... Нет, эта версия тоже плывет. Еще есть предположения?

— Есть, — кивнул Антон. — Мечь богатому папе. Допустим, он с кем-то в бизнесе не поделился, или много хапнул, или что-то еще. Девушку украли, чтобы наказать папу. Ведь даже изнасилования не было. Значит, мечь.

— Вот это-то и странно, — задумчиво ответил Гуров. — Если папа Ащеулов кому-то задолжал или кого-то из авторитетов или сильных мира сего обидел, то, чтобы добиться от него желанного подчинения или возврата долга, девушку бы не стали убивать. Изнасиловать — могли бы. Глазки завязали бы, чтобы при случае не узнала и полиции не указала, и вернули бы папе. Могли бы живую и здоровую придержать, спрятать где-нибудь и свои условия папе ставить. Но убить и замуровать в снежную статую... При этом Ащеулов не получал никаких посланий и уведомлений типа «отгадай, где спрятана».

— А вот этого мы тоже еще не знаем — получал или не получал, — торжественно произнес Варезкин.

— Тоже правильно, — согласился Лев Иванович. — Но все-таки эта версия лучше, чем с любовниками. Как-то конкретнее такая версия, реальной.

— Согласен, — кивнул Варежкин и посмотрел на телефоне, сколько времени. — Ох, поедемте, Лев Иванович, а то опоздаем на встречу, — заторопился он.

В коридоре городского морга было прохладно, как и положено в таком специфическом заведении. Трубы отопления проходили прямо вдоль плинтуса и были такие горячие, что от них даже шел какой-то пар, но длинное узкое помещение коридора они отчего-то не согревали. Варежкин, предварительно созвонившийся с анатомом Ольгой Александровной, шел по коридору уверенно, зная точно, куда нужно идти. По всей видимости, ему не раз приходилось тут бывать.

Возле одной из дверей стояли стулья, но человек в дорогом сером пальто и ярком красном шарфе, который явно ждал кого-то (Гуров подозревал, что именно их с Варежкиным), даже не присел. Льву Ивановичу еще издавна было заметно, как человек в шарфе нервничает — ходит по коридору туда и обратно, то заложив руки за спину, то теребя лацкан расстегнутого пальто, — не зная, куда себя деть. При приближении оперативников он остановился и, напряженно вглядываясь, застыл, словно в предчувствии, что это по его душу сейчас шагают по коридору двое мужчин.

— Валерий Борисович? — уточнил Гуров и первым протянул руку бледному, как мумия в бинтах, мужчине.

Тот молча кивнул и, нервно сглотнув ком в горле, пожал руку полковнику, а потом и Варежкину.

— Я сейчас узнаю, кто нас примет, и вернусь.

Антон прошел чуть дальше и, заглянув в одну из дверей, что-то спросил. Но Лев Иванович не расслышал, он смотрел на мужчину, которому сейчас предстояло опознать тело дочери, и думал, что никогда бы не хотел оказаться на его месте.

Ащеулов — высокий и статный мужчина лет сорока пяти или чуть старше, с темно-русыми, подстриженными по последней моде волосами и немного раскосыми, татарскими темно-кариими глазами, понравился Гурову. Было в этом мужике что-то брутальное, настоящее, мужское. Он не походил на изнеженного деньгами буржуйчика, которых в послед-

нее время развелось, по мнению Гурова, слишком уж много в Москве.

— Вы думаете, это она? — нерешительно спросил Гурова Ащеулов и достал из кармана чуть дрожащими пальцами пачку дорогих сигарет. Выудил из пачки одну, но потом, по видимому, вспомнил, что курить в помещении морга нельзя, спрятал и сигарету, и пачку обратно.

Гуров хотел было в утешение ему сказать, что, возможно, это не его дочь лежит сейчас в холодной мертвецкой, а просто похожая на нее девушка, но не стал лгать ни Ащеулову, ни себе самому, и коротко ответил:

— Скорее всего.

Вернулся Варежкин с молодым интерном, сотрудником морга, который нес в руках какой-то пакет. Подойдя к Ащеулову и Гурову, парень поздоровался и, раскрыв пакет, достал из него что-то блестящее и зеленое.

— Скажите, у вашей дочери было такое платье?

Ответа не понадобилось — все было понятно и без слов. Ащеулов до синевы закусил нижнюю губу и дрожащими пальцами прикоснулся к материалу. Гуров видел, как мужчина с силой сжал зубы, но тихий и короткий то ли стон, то ли вздох все-таки нашел себе дорогу и вырвался из груди сдерживающего слезы отца. Глаза Ащеулова покраснели.

— Пойдемте, — интерн развернулся и пошел по коридору. Все последовали за ним. Возле дверей «холодной» Ащеулов остановился и, повернувшись к Гурову и Варежкину, спросил:

— Я могу войти один?

Лев Иванович и Варежкин переглянулись, но потом полковник все-таки ответил:

— Вообще-то кому-то из нас тоже положено быть. — Он посмотрел на часы и добавил: — Сейчас должен еще следователь подъехать. Он обязан составить протокол опознания... Хорошо, — после секундного колебания разрешил Лев Иванович, — заходите один. Но потом все равно придется заходить еще раз и уже при следователе проводить процедуру опознания официальным образом.

— Хорошо, спасибо. — Ащеулов кивнул и шагнул вслед за сотрудником морга в «мертвецкую» с таким видом, словно входил в ворота ада.

— Врагу бы такого не пожелал, — глухо произнес Варежкин и сглотнул комок в горле. — Каждый раз такое ощущение, что я лично толкаю человека в какую-то бездонную пропасть. Все понимаю, а вот с такими чувствами никак справиться не могу. Помимо моей воли они, эти чувства, во мне возникают, — вздохнул он.

— Да, приятного мало, — только и нашел что ответить Гуров.

Ащеулов вышел из комнаты еще белее прежнего, если это, конечно, возможно. Гуров попросил сотрудника принести стакан воды и протянул его мужчине. Но тот, сделав два глотка скорее из вежливости, отдал стакан обратно.

Следователя ждали еще минут десять. Лев Иванович не стал ничего спрашивать у отца девушки, давая тому время побыть наедине со своими мыслями и со своим горем.

Варежкин куда-то вышел, вернулся со стаканчиком кофе и протянул его Ащеулову, которого пробил нервный озноб. Тот поблагодарил и выпил его чуть ли не залпом, не обращая внимания на то, что напиток был горячим.

Когда официальное опознание было закончено и все вышли на свежий воздух, Ащеулов спросил у Гурова:

— Когда мне можно будет забрать тело?

— Заберете сразу после того, как ответите на все необходимые в таких случаях вопросы, — честно ответил Лев Иванович. — Вы на машине?

— Да, вот стоит, — кивнул он в сторону стоянки. — Я с шофером, так что не беспокойтесь, сам я за руль не сяду. Не в том сейчас состоянии.

— Это хорошо, — кивнул Лев Иванович. — Значит, делаем так. Я сейчас дам своему помощнику задание, а потом мы вместе проедем в управление, я с вами переговорю под протокол, и только потом вам дадут разрешение забрать тело.

— Ладно, как скажете, — обреченно ответил Ащеулов.

— Антон, давай отойдем. — Лев Иванович потянул Варежкина за рукав. — Тебе такое задание — созвонись с Ларионовым, в каталоге есть его телефон. Кровь из носу встретиться с ним и узнай насчет снежной Русалочки. Кто, что и как. Не думаю, что это они привезли ее на площадь, но уточнить нужно. И узнай, может, Ларионов знает того, кто бы мог такую русалку вырезать. У каждого мастера, как мы знаем, свой почерк. Будь то скульптура из снега или из камня. Покажешь ему фото.

— Понял.

Варежкин повернулся было уже уходить, но Гурову внезапно пришла в голову еще одна мысль.

— Антон, постой. У тебя есть фотоаппарат?

— Нет. Если нужно, я на телефон снимаю. Там разрешение большое, фото хорошие получаются.

— Тогда вот что. Заедешь на площадь и снимешь на камеру еще и этого Щелкунчика. Узнай у Ларионова, их это произведение искусства или тоже левое.

— Все сделаю, — кивнул Варежкин и пошел к машине. — Вы в управлении будете? Мой кабинет сто третий, — оглянулся он.

— Вот там и будем, — Лев Иванович зашагал к внедорожнику, возле которого его ждали Ащеулов с шофером.

— Едем в управление, — кивнул Гуров поздоровавшемуся с ним водителю и назвал адрес управления МВД. Ащеулов сел рядом с водителем, а Гуров примостился на заднем пассажирском сиденье.

— Надолго мы? — спросил, не оборачиваясь, Валерий Борисович. — Не закроют в морге-то?

— Там круглосуточно. Тело вам выдадут вне расписания, по разрешению следователя, — ответил Гуров и подумал, что сегодня спать этому человеку не придется.

Глава 6

Дежурный в управлении, которого Петровский предупредил насчет Гурова, сразу же провел их с Ащеуловым в кабинет Варежкина.

— Вы уж извините, — развел руками Лев Иванович. — Я сам тут не хозяин, поэтому кофе или чай предложить не могу.

— А курить можно? — исподлобья глянул на сыщика Ащеулов.

— Даже не знаю, — виновато ответил Гуров. — А, курите, — махнул он рукой. — Потом проветрим, если что.

Ащеулов прошел к пальто, которое он повесил на старенькую вешалку, когда вошел, и достал пачку сигарет.

— Будете? — спросил он полковника, но тот отказался, сославшись, что бросил.

Заиграл телефон, и Валерий Борисович, болезненно поморщившись, достал его из кармана, взглядом спросив разрешения у Гурова, можно ли ему говорить по телефону, и ответил:

— Лиля, я пока не могу говорить. Я тебе позже перезвоню. Да, опознание уже было. Да, это она. Все остальное — потом, — сдавленно и коротко бросил он в трубку и отключился, а потом, немного поразмыслив, и вовсе отключил телефон.

— Садитесь, где вам удобно, — кивнул Лев Иванович на стул, что стоял у стола. Ащеулов, взяв стул за спинку, перенес его к окну. Он открыл форточку, сел и закурил. Гуров заметил, что мужчина стал спокойней, но бледность еще не полностью сошла, его лицо осунулось и даже, как показалось Льву Ивановичу, немного постарело.

— Где ее нашли? — красными от невыплаканных слез глазами посмотрел Ащеулов на сыщика. — Я не понимаю, — добавил он, — она ведь уехала во Владимир. Почему тело оказалось в Суздале?

Лев Иванович молча вынул из папки, которую он прихватил с собой из машины Варежкина, несколько фотографий и протянул их Валерию Борисовичу. Он видел, как снова задрожали пальцы мужчины и губы, в которых была зажата сигарета. Послышался всхлип, и Ащеулов отвернулся к окну.

— Не понимаю, кому это понадобилось! — выдохнул он. — Она ведь совсем еще девочка. Ее не... Ее не изнасиловали? Как она умерла?

— Нет, сексуального насилия не было, — твердо и жестко ответил Гуров. Ему и самому было не по себе. Хотя опыт ра-

боты в уловке был у него немалый, Лев Иванович никак не мог заставить себя привыкнуть ни к насилию, ни к людскому гору, к которому это насилие приводило. — Ее задушили. Предположительно, положив на лицо подушку. Задушили в машине.

— Но зачем? — Валерий Борисович вскочил со стула, но потом снова обессиленно опустился на него. — Как можно просто так взять и убить девочку? — непонимающе посмотрел он на Гурова, словно полковник мог четко и ясно дать ему ответ на этот вопрос.

Но Лев Иванович не знал ответа, зато у него самого было очень много вопросов к Ащеулову. И он собирался получить ответы на все свои вопросы. А иначе и быть не могло. Иначе он не сможет найти тех, кто убил девушку.

Лев Иванович не стал включать компьютер, он нашел на столе у Варежкина стопку бумаги и ручку. Приготовив все нужное, он принялся задавать Валерию Борисовичу сначала всякие формальные вопросы относительно его возраста, работы и места жительства, а потом спросил:

— А теперь расскажите мне все о Лене. В какой она семье росла — полной или неполной, где училась в последнее время, какой у нее был характер, с кем дружила, были ли у нее враги... В общем, все, что посчитаете нужным. Постарайтесь вспомнить и последний день, когда вы виделись с дочерью. Что она говорила, куда хотела ехать и с кем собиралась встретить Новый год, в каком она была настроении в последние дни, и вообще все, какие вспомните, подробности.

Ащеулов молчал и только курил, затягиваясь так яростно и неистово, словно хотел, чтобы никотин, проникнув в его легкие, наконец-то сделал свое дело и убил его, как какую-нибудь старую и заезженную лошадь. Он собирался с силами, и когда заговорил, то в голосе его чувствовалась такая смертельно-леденящая усталость, что Лев Иванович невольно поежился.

— Лена всегда была, как это говорят, папиной дочкой. — Валерий Борисович смял недокуренную сигарету и огляделся, не зная, куда ее выкинуть. Гуров показал ему на мусорную корзину, стоящую у стола. — Когда она родилась, мне было

уже двадцать семь лет, и... я очень хотел и ждал ее рождения. Мама Лены была моложе меня на семь лет, и женился я на ней скорее по ее «залету», чем по большой любви. Но жили дружно. Ссорились редко, хотя это было скорее потому, что и виделись мы нечасто. Яна, моя первая жена, фотохудожница, очень талантливая, надо сказать, часто бывала в разъездах. За Леной в основном приглядывали няня и я, когда бывал дома. У меня тоже работа такая, что редко дома появлялся, и Леночка была для меня как ясно солнышко. Я ее маленькую с рук не спускал...

Гуров слушал, не перебивая. Он понимал, что мужчине нужно выговориться, нужно снять камень, который тяжелым грузом лежал у него на сердце. «Хотя, — думал полковник, — как же его выкинешь, этот камень, он теперь надолго, если не навсегда. Застрял в груди и будет шевелиться, причиняя боль всякий раз, когда взгляд отца будет останавливаться на фотографии дочери».

— С Яной мы развелись, когда Лене было четырнадцать. Разошлись без скандала. Как говорится, решили все мирным путем. Просто Яна встретила человека, которого полюбила и который мог дать ей больше в творческом плане, чем я. Познакомилась на одной из своих выставок с богатым итальянцем и уехала с ним жить в Милан. Лена все поняла, она вообще умная девочка... была, — выдохнул, словно вытолкнул Ащеулов слово, которое никак не хотело слетать у него с языка. — Поняла, но ехать с матерью в Италию отказалась. Осталась со мной. Она всегда почему-то была на моей стороне. Всегда, когда мы с Яной ссорились. А потом... — Ащеулов загнулся и прикрыл глаза. — Потом я встретил Лилю. И Лена опять не стала возражать. Они с Лилей подружились и стали близки, как сестры или как подруги, очень быстро нашли общий язык и общие интересы.

— Валерий Борисович, у вас, кроме Лены, есть еще дети? — спросил Лев Иванович, глядя, как Ащеулов достает из пачки новую сигарету.

— Да, у нас с Лилей есть сын Архип, ему два года. Лена... — Мужчина выдержал мучительную паузу, борясь с чувствами,

стараясь не сорваться и не расплакаться в присутствии оперативника. — Лена была очень рада, когда он родился, и все твердила, что наконец-то она будет не одна. Оказывается, — Ащеулов посмотрел на Гурова и слегка улыбнулся своей мысли, — она все время переживала, что у нее нет ни сестры, ни брата. Лена — очень добрая девочка... — вздох, — была. Но и упрямая, вся в мать. Если что-то в голову пришло, то будет стоять на своем упорно и до конца. Подростком она была вообще очень своевольная. Только я и мог с ней как-то еще договариваться, а учителя так просто стонали от ее характера и поведения. Хотя училась Лена очень даже неплохо. Была твердой хорошисткой, без троек.

— А где она училась в последнее время? — Лев Иванович решил своим вопросом вернуть Ащеулова из воспоминаний к действительности.

— Она хотела стать юристом. — Ащеулов наконец-то раскурил сигарету, которую держал в руках, и затянулся. — Ее интересовали экономические преступления. Хотела стать прокурором и обвинителем именно в этой области права. Уж не знаю почему, — пожал он плечами.

— А фамилия и имя Пантелеев Захар вам что-то говорит?

— Это тот парень, к которому она поехала во Владимир, — нахмурился Ащеулов. — Я его не знал до того времени, пока он сам мне не позвонил и не сказал, что Лену похитили. Дочка не хотела почему-то меня с ним знакомить. Хотя я и настаивал. Она сказала, что обязательно сделает это, но только после праздников.

— Вы не знаете, где она с ним познакомилась?

— Я так думаю, что в университете. — Ащеулов устало посмотрел на Льва Ивановича. — Она сильно изменилась именно в сентябре, когда поступила на юрфак. Стала скрытной, часто уходила из дома, не сказав, куда идет. В выходные дни, по воскресеньям в основном, возвращалась поздно. Она и раньше, бывало, отпрашивалась на разные тусовки и вечеринки со сверстниками. Всегда спрашивала у меня разрешения... Но только не тогда, когда стала встречаться с этим парнем.

— Она вам не называла даже его имени или фамилии?

— Нет, не называла. Знала, что я начну расследование и узнаю, что она встречается с мужчиной старше себя на десять лет.

— А это так принципиально для вас, на сколько лет парень, которого любила ваша дочь, старше ее?

— Не знаю, — Ащеулов задумался. — Понимаете, я даже не думал над этим вопросом. Для меня Лена всегда оставалась маленькой девочкой. Я и вообразить не мог, что она вдруг возьмет и полюбит кого-то сильнее, чем меня. Понимаю, звучит эгоистично, но...

— Возможно, именно поэтому она и скрывала от вас, что встречается с Захаром Пантелеевым, боялась вашего непонимания, неодобрения, опасалась вас расстроить, в конце концов?

— Может, и так. — Ащеулов устало и горестно вздохнул. — Иногда я бывал по отношению к ней настолько собственником, что не понимал, что маленькая девочка уже выросла и стала самостоятельной, независимой личностью.

— Значит, когда она уезжала во Владимир, вы не знали, куда и к кому конкретно она собирается, но все равно отпустили ее?

— Не знал, — кивнул Валерий Борисович. — И не хотел ее отпускать. Мы в первый раз тогда очень сильно поругались. Но Лена упрямая, я ведь говорил. И все равно сделала по-своему. Собрала сумку, хлопнула дверь и ушла. Я потом еще долго сердился, а Лиля меня успокаивала и говорила, что Лена уже большая девочка и может сама решать, с кем ей встречать Новый год. Кто же знал, что все так получится?!

— А Лена вам звонила из Владимира?

— Нет. Это я ей звонил. Она трубку не брала, но написала мне в ответ на мой звонок эсэмэску. Я ее сохранил.

Ащеулов достал из кармана телефон, который он не так давно отключил, и, включив его снова, нашел сообщение.

— Вот, — он протянул телефон Гурову, и Лев Иванович причел: «Не сердись на меня. Все будет отлично. Я познакомлю вас после праздников, когда сама окончательно пойму

свои чувства и если буду уверена на все сто в его чувствах ко мне».

— Она была не уверена, что этот мужчина ее любит? — не совсем понял послание Гуров.

— Скорее всего, она просто не хотела торопить события, — ответил Валерий Борисович. — Она всегда была перестраховщицей и не любила принимать быстрые решения. Ей нужна была ясность во всем.

— Расскажите мне о звонке Пантелеева. Что и как он вам сказал о Лене? — спросил Лев Иванович. — Как можно подробнее вспомните весь разговор, интонацию сообщавшего новость и его реакцию на событие. Вы ведь с ним потом виделись во Владимире?

— Да, конечно, виделись, — кивнул Ащеулов. — Нормальный парень оказался, видно, что сильно переживал... — Валерий Борисович провел рукой по лицу и попросил: — Можно воды?

Лев Иванович подошел к чайнику, что стоял на небольшом столике в углу кабинета, налил в кружку воды и протянул ее Ащеулову. Тот выпил с жадностью, словно его мучила жажда, и, вернув кружку, продолжил рассказывать:

— Звонок раздался в половине первого ночи. Мы с Лилей в этом году не пошли отмечать Новый год ни к друзьям, ни в ресторан. Лиля не захотела оставлять Архипа с няней. Жена вообще редко пользуется услугами Альбины Викторовны — женщины, которая была няней еще у Лены, — предпочитая заниматься сыном сама. Лиля совсем не похожа характером на Яну — она... Впрочем, это неважно. Так вот. Позвонил Захар мне в половине первого с телефона Лены. Я сначала обрадовался, думал, что дочка звонит, чтобы поздравить, но, услышав незнакомый мужской голос... Честно скажу, сразу почувствовал неладное и испугался. Сильно испугался. — Ащеулов немного помолчал, вспоминая звонок и свою реакцию на него. — Захар не стал юлить и сразу сказал, что я должен приехать сейчас же во Владимир, потому что Лену похитили. За два часа до Нового года она вышла в магазин и не вернулась. Телефон она с собой почему-то взять забыла.

Ее стали искать сразу, как только хватились — через полчаса после ее ухода.

— А магазин этот далеко от дома?

— По словам Пантелеева, да я и сам потом убедился в правоте его слов, — в двух шагах. Он хотел пойти с ней, но она отказалась и взяла с собой его собаку, чтобы выгулять ее. Собаку нашли убитой, застреленной из пистолета.

— Вот даже как!

— Да, я видел пса, — покивал головой Ащеулов. — Восточноевропейская овчарка. По словам хозяина, Захара то есть, она была натаскана на охрану и задержание... — Ащеулов снова замолчал и устало потер ладонями лицо, словно отгоняя от себя призраки и убитой собаки, и мертвой дочери. — Позвонил мне Пантелеев уже после того, как написал заявление о похищении, но ему сказали, что заявление будут рассматривать только после того, как оно будет написано кем-нибудь из близких родственников похищенной девушки. Мне пришлось звонить и просить Дмитрича, чтобы он меня отвез. Это мой водитель, — пояснил Ащеулов, кивнув в сторону окна. — Дмитрич — это фамилия, а не отчество, — добавил он. — Водитель у меня — непьющий, он был трезв, поэтому мы выехали сразу и мчались так, что во Владимире были в два раза быстрее положенного на дорогу времени. Дороги были пустые, — словно бы виновато добавил он. — Праздник, сами понимаете...

— Какое впечатление на вас произвел Пантелеев? Он был один?

— Нет, у него в доме я застал целую компанию. Как я понял — его друзья. Я плохо помню всех, но было их, кажется, человек шесть или семь...

Глава 7

В то время как Лев Иванович снимал показания с Ащеулова, Станислав Крячко сидел на маленькой кухне Захара Пантелеева и слушал его версию того, что произошло в вечер исчезновения Елены Валерьевны Ащеуловой...

Узнав, что Лену нашли убитой и замурованной в снег, а вернее в стацию Русалочки, Захар побледнел и, сжав кулаки, стал ходить по комнате, мечась словно волк в клетке, — кулаки стиснуты так, что пальцы побелели от напряжения, лицо осунувшееся, черты заострились еще больше, глаза сверкали болью и гневом одновременно. Казалось, все его существо, все его тело говорило: «Найду — убью гадов!»

Станислав, видя такое состояние парня, спросил:

— У тебя кофе или что-нибудь покрепче найдется? Выпей, глядишь, чуть полегчает.

— Пойдемте на кухню, — решительно кивнул Захар и твердым быстрым шагом прошагал из комнаты в маленькую кухоньку. Там он налил в пузатую рюмку водки, взглядом спросив Крячко, нужно ли и ему налить, но, увидев отказ в его глазах, настаивать не стал. Выпил залпом, не закусывая, даже не поморщившись, и пошел ставить чайник. Когда черный и обжигающе-горячий кофе был разлит по кружкам, Захар сел и без понуканий со стороны сыщика начал рассказывать:

— С Леной я познакомился, когда приехал подавать документы на заочный, на юрфак. Она тоже поступала, но только на очное обучение. Я в полиции работаю. С собакой своей работал, кинологом. А до этого контрактником был. Ахмата моего убили в тот вечер. — Парень сжал зубы, и Крячко видел, как заходили желваки у него на скулах. — Девять лет мы с Ахматом жили вдвоем, холостяками, и никого нам не нужно было. А когда я Лену в первый раз увидел, то сразу понял, что она и есть та самая, кого я так долго ждал. У меня ведь до нее девушек постоянных не было. Так, на одну ночь, и все. Да и то редко. Не хотел я никаких отношений без любви. Друзья все давно уже семьями и детьми обзавелись, а я все ждал свою принцессу, — горько усмехнулся Пантелеев. — И дождался...

Он замолчал и, покосившись на стоящую рядом с ним бутылку с водкой, налил себе еще, а остатки водки из бутылки решительно, подойдя к раковине, перевернул и опустошил, вылив содержимое в сток.

— Намерения у меня к ней были серьезные, — словно сам для себя проговорил Захар. Он сел и, выпив из рюмки,